

Глава 82. Солнце

За окном шуршал зелёный бамбук. Ветер раскачивал его, и косые тени ложились на оконную бумагу.

В комнате стояла пугающая тишина.

Белоснежные пологи едва заметно колыхались, и сквозь них смутно виднелись две наложившиеся друг на друга тени.

Высокий мужчина прижимался лбом к лбу юноши. Одной рукой он держал его за тонкую мягкую талию, другой — за заднюю часть шеи.

Словно свирепый зверь, нежно удерживающий свою хрупкую добычу.

Словно хотел пропитать эту добычу запахом, который принадлежал только ему.

Тело Цзян Тана в его объятиях всё время дрожало.

На самом деле он уже почти не чувствовал ничего из реальности. По сравнению с этой тихой, мягкой близостью его душа сейчас сталкивалась с бушующим морем. Если прежде из-за Фу Линцзюня его душа просто растекалась в лужицу, которую не зачерпнёшь обратно, то теперь эту лужицу уже накрыл целый океан.

Одна за другой на него накатывали громадные волны чужих чувств. Маленькой слабой душе некуда было деваться. Она лишь изо всех сил пыталась раскрыться навстречу этим сложным, бурным эмоциям — и каждый раз её до слёз ранили острые и мучительные воспоминания Фу Линцзюня.

Он ведь был самым обычным офисным работником, прожившим чуть больше двадцати лет по всем правилам. Никаких бурь в жизни он толком не видел. А теперь буря, пришедшая от Фу Линцзюня, промочила его насквозь, от макушки до пят. И спрятаться было негде — только под самыми вздымающимися валами.

А потом его снова подхватывало.

То вверх, то вниз.

Цзян Тану почти казалось, что он вот-вот утонет в этих волнах. Но в следующий миг море вдруг становилось тихим. Мягкие волны нежно его убаюкивали, словно бережно подхватывали несчастного слабака на ладони.

Только он уже окончательно растаял.

Просочился сквозь пальцы, которыми его пытались удержать.

Цзян · почки-в-минусе · Тан дрожал мелкой дрожью. Всё, хватит, хватит. Если он и дальше будет так играть с Фу Линцзюнем, его мозг просто сгорит! Старый телефон, который насильно заставили тянуть слишком тяжёлую игру, официально запрашивал завершение процесса.

Одним нажатием — выключение.

Человек, зажатый в объятиях Фу Линцзюня, уже не мог даже сидеть нормально. Он растёкся, как мороженое на жаре. Фу Линцзюнь мягко придержал его за талию, другой рукой подпер

спину и с трудом выловил обратно.

Плюх.

Обессиленная голова безвольно упала ему на плечо.

— У... — только и смог выдавить Цзян Тан, когда его душа вернулась в тело.

В голове было пусто.

Будто Фу Линцзюнь выскреб из него все воспоминания и все чувства подчистую.

Он ещё долго бессильно обмякал у него на плече, и только потом сознание понемногу начало возвращаться. Руки и ноги были ватными, он вцепился в Фу Линцзюня, как осьминог, и больше уже не шевелился.

Всё. Это уже списанный в утиль пёс.

Причём списанный до такой степени, что он даже забыл проверить, сколько именно из его памяти успели увидеть.

А вот Фу Линцзюню такое состояние показалось очень забавным. Лежавшая на спине рука медленно поднялась к плечу, потом скользнула вниз по руке и ухватила его за пальцы. Сопrotивляться Цзян Тан всё равно не мог, так что этому детине ничего не мешало перебирать и мять его пальцы по одному.

Один — сытый, довольный и бодрый.

Другой — выжат досуха и вялый как тряпка.

По телу Цзян Тана всё ещё бегал этот странный, не очень поддающийся описанию ток. Его мелко потряхивало, и только спустя долгое время он сумел хоть как-то вынырнуть из этого ощущения жара и пустоты.

Да это же бесило!

Хотелось бессильно заорать во всё горло.

Ах ты ж, чёрт! Этот хулиган!

— Вонючий извращенец, — без сил бормотал он. — Сволочь... подонок...

Разумеется, ругался он не на языке, который Фу Линцзюнь понимал. Только трусливо бубнил себе под нос по-китайски. И чем больше бубнил, тем сильнее хотелось плакать. Не то чтобы он был особенно нежным цветочком — просто у этого тела последствия слияния душ оказались слишком тяжёлыми: возбуждённое, покрасневшее состояние ещё не прошло, а глаза уже сами наливались краснотой, будто его и правда обидели до полусмерти.

Большой пёсик обнимал маленького пёсика и слушал его совершенно нестрашное бурчание. Вторая рука при этом ни секунды не бездельничала — продолжала тискать маленького пёсика. Поигрался с пальцами, помял запястье, потом медленно заскользил вдоль позвоночника вниз, будто даже хотел поймать поджатые ноги.

И тогда пёсик, у которого ни зубы толком не острые, ни язык не подвешен, из последних сил

цапнул его.

И жалобно заскулил, до крайности несчастный.

Фу Линцзюнь позволил ему бесполезно сопротивляться. Его душа, наконец получившая утешение, давно не была такой спокойной и чистой. Впервые за долгое время он обрёл хотя бы краткий покой.

И потому продолжал обнимать и гладить маленького пёсика.

Так они и отдыхали, обнявшись, очень долго.

На горизонте начал проступать белёсый свет. В чёрном небе медленно вскипали первые полосы рассвета. Бамбуковые листья, которые всю ночь раскачивал ветер, наконец затихли и смиренно застыли у окна. На тонкую ветку опустились две пухлые птички цвета гусяного желтка, упруго оттолкнулись длинными лапками — и, вспорхнув, перепрыгнули на карниз.

Цзян Тан наконец тоже немного отошёл от состояния, будто его всю ночь слишком усердно любили, и первым делом отпихнул руку, обнимавшую его, собираясь сбежать с кровати.

Но тонкую щиколотку тут же перехватила большая ладонь.

Дёрнула.

И в следующую секунду его уже снова стащили обратно.

У почечно-истощённого Тана всё тело мгновенно одеревенело.

— Не выйдет! — впервые в жизни он произнёс фразу так бегло. И затряс головой, как погремушкой. — Нельзя!

Фу Линцзюнь вообще-то и не собирался повторять всё ещё раз. Но эта реакция была такой прелестной, что он нарочно навис над ним, пугая:

— А почему нельзя?

Чуть прохладные пальцы коснулись его лица и мягко потёрли между бровями.

У Цзян Тана шерсть на душе встала дыбом. Он так перепугался, что, как уж, вывернулся у него из-под руки и из-под бока, просочился в щель и сбежал.

Почечно-истощённый Тан: всё, всё, я ушёл! Больше с тобой не играю!

Хотя измотана у него была именно душа, а не тело, Цзян Тан, соскочив с кровати и бросившись прочь, ощущал себя так, будто у него ломит поясницу, сводит ноги и болит всё на свете. Он в панике вылетел наружу, захлопнул дверь — и только тогда почувствовал себя в относительной безопасности.

Фу Линцзюнь, у которого объятия внезапно опустели, ещё какое-то время держал руку в воздухе там, где только что был лоб юноши. Будто видел выражение его лица, пока тот мчался прочь во весь дух. Уголки его губ приподнялись в довольной улыбке, и он перевернулся на спину, устраиваясь на кровати.

Постепенно просыпавшаяся обитель Десяти Сторон была живой. Пение птиц и людские голоса,

цветение и падение листьев, мелкие шорохи и звуки понемногу поднимались со всех сторон.

Цзян Тан с самого утра уселся за каменный столик во дворе. Вообще-то ему хотелось убежать подальше, но он вовремя вспомнил, что с ориентацией в пространстве у него беда и если он опять потеряется, то сам потом с этим не справится.

Скрипнула дверь напротив.

Сян Син, которому спать не требовалось, наконец дождался случая потискать Сяо Бая. Он тут же вывалил перед ним целую кучу вкусного и интересного, глаза у него ярко блестели:

— Сяо Бай, ешь.

После такой долгой умственной нагрузки Цзян Тан как раз был в стадии полного энергетического истощения. Радостно развернул промасленную бумагу — внутри лежала блестящая от соуса большая куриная ножка.

Это Сян Син купил её вчера вечером, когда они с Хуай Чэнъинем и остальными гуляли в области Цянькунь.

Цзян Тан уселся есть её прямо на этой бумаге. Ножка оказалась вкусная, но жирная, и, доев одну, он чуть не застонал от насыщения. Потом посмотрел на остальные свёртки на столе.

Председатель общества любителей тискать пушистиком, он же Сян Син, тут же протянул ему круглое зелёное яблочко — лазурный духовный плод.

— У-у-у... — Цзян Тан растрогался до слёз и подряд съел сразу три.

Е Чжэнвэнь и Хуай Чэнъинь вчера вернулись глубокой ночью, после чего их обоих по отдельности утянули родственники на ночные разговоры. Отпустили их только утром. Как только они вошли во дворик и увидели за каменным столом Цзян Тана, Сян Сина и целую гору вкусностей, слюнки потекли сами собой, и они без всяких церемоний тут же уселись рядом.

— Доброе утро, молодой господин Цзян, — зевнул Е Чжэнвэнь и присоединился к трапезе. — Куда вы вчера ходили гулять с братом Линем? Мы вас так и не нашли.

Цзян Тан мгновенно ощутил неловкость.

Пусть всё вчера ограничилось только духовным уровнем, ему всё равно казалось, что прошлой ночью он натворил нечто совсем не для эфира. Один невинный вопрос Е Чжэнвэня — и он тут же покраснел до ушей.

Как назло, Сян Син ещё и наклонился к нему, понюхал и с туповатой прямоотой заявил:

— Пахнет... как у хозяина.

Хуай Чэнъинь удивился:

— А? Чем это пахнет?

И тут же получил в рот куриную ножку.

Е Чжэнвэнь отрывисто сказал:

— Наелся? Тогда давайте к делу.

Хуай Чэнъинь: ? Он вообще-то только начал есть.

Они вчетвером уплетали еду и не заметили, как дверь комнаты Цзян Тана на миг приоткрылась, мелькнула высокая чёрная тень — и дверь тут же снова закрылась.

* * *

Ци Е, держась за шею, тихо вернулся в свою комнату под ещё не разгоревшимся утренним светом.

Он чудом сохранил себе жизнь.

Но в любой момент эту жизнь у него могли отнять.

Он с трудом дошёл до стола и хотел налить себе воды, но дрожащая рука не смогла даже поднять чайник. Едва он чуть приподнял его, как пальцы ослабли.

Звук разбивающейся посуды не последовало.

Бледная рука подхватила чайник.

— Давно не виделись.

Человек, неожиданно появившийся в комнате, был высоким и с самым заурядным лицом. Только что Ци Е был уверен, что в помещении никого нет, но этот человек возник словно из воздуха, до жути странно.

И спокойно поставил чайник обратно на стол.

Сожжённое горло Ци Е выдавило хриплый звук:

— Линь Шэн?

Он узнал этого человека. Ещё когда сам оставался при Ци Цунъюй, возле молодого господина Е уже крутился один приятель, славившийся знанием талисманов и формаций.

— Угу, — легко кивнул собеседник. — Сегодня я пришёл попросить тебя об одной услуге.

Ци Е вовсе не считал, что человек, появляющийся таким образом, действительно пришёл «просить». К тому же сейчас его нынешнее состояние увидел посторонний — значит, неизбежно появятся лишние подозрения. Рука, спрятанная у него в рукаве, мелко дрогнула. Он колебался, не прикончить ли стоящего перед ним и не заставить ли его замолчать навсегда.

На стол один за другим легли несколько мешочков для запечатывания душ.

Сидевший напротив с чуть надменным выражением Фу Линцзюнь опустил на стул по ту сторону стола:

— Вчера ночью ты справился неплохо. Съев нечистые иньские души, ты, должно быть, надолго разбудил внутреннего демона Цзян Чанъюаня.

Лицо Ци Е резко изменилось.

Он потрясённо уставился на Фу Линцзюня:

— Эти души в мешочках... это ты их подменил?

Фу Линцзюнь и не думал отрицать:

— Раз уж он использует тебя, значит, рядом с ним уже почти не осталось людей, на которых он может положиться.

Заметив дрожащую руку Ци Е, спрятанную в рукаве, Фу Линцзюнь равнодушно усмехнулся:

— Как поживает у Цзян Чаньюаня твой дядя, который вот-вот умрёт от болезни?

С этими словами из Ци Е будто разом вытянули все силы.

Он приоткрыл рот, но ничего не сказал. Только спустя долгое время с трудом спросил:

— Чего... ты хочешь, чтобы я сделал?

* * *

Возвращаясь в комнату, Цзян Тан всё ещё немного нервничал.

Он приоткрыл дверь узкой щёлкой, несколько раз заглянул внутрь, не увидел Фу Линцзюня и решил, что тот снова ушёл заниматься сюжетом.

Побрёл к столу, немного посидел в задумчивости, потом вспомнил про неоконченную картину, достал из жемчужины Нахай кисти, тушь, бумагу и тушечницу и снова принялся рисовать.

От круглого белого комочка, который врезался великому боссу в сапог, до того, как в ледяном пруду долины Тяньбэй он подглядывал за купающимся красавцем; как рухнул в бездну мстительных душ, а Фу Линцзюнь закрыл ему уши; как тот вынес его на руках во время резни в Цзэяне... Чем дальше, тем больше сцен всплывало в памяти.

Цзян Тан рисовал и улыбался. Настроение было хорошим, и вскоре он уже дошёл до того, как они вышли из области Цянькунь и великий босс носил его на руках, гуляя с ним по улице и покупая ему еду.

— Здесь неправильно.

Низкий голос прозвучал так внезапно, что кисть в руке Цзян Тана дёрнулась, и огромная капля туши шлёпнулась на ножку стола на почти готовом рисунке.

Он резко обернулся. Фу Линцзюнь уже неизвестно когда вернулся и неизвестно сколько времени простоял у него за спиной, с явным интересом разглядывая рисунок.

Цзян Тан: у этого человека вообще шаги есть или нет?!

— Ты... чего подглядываешь! — сначала он хотел спрятать рисунок, но на полпути понял, что это будет слишком уж подозрительно, и, наоборот, демонстративно развернул его полностью.

— Испачкал!

Огромная клякса почти угробила целую картину.

Фу Линцзюнь сложил пальцы в печать, потом вытянул указательный и средний и легко повёл ими в воздухе вверх. Не успевшая высохнуть клякса отделилась от бумаги, словно окутанная невидимой силой. Ножка стола осталась целой.

После этого он посмотрел на рисунок с маленьким белым пёсиком за едой — и добавил к нему пару штрихов. До этого пёсик был просто упитанным, а теперь вдруг стал особенно плотным, круглым и жирненьким. Явно потолстел на целый круг.

— Да я не... такой уж... толстый! — возмутился Цзян Тан.

Фу Линцзюнь очень серьёзно выслушал его мнение.

И сделал пёсика ещё на круг толще.

Цзян Тан: ?

Мальчик, да ты вообще бунтарь.

Трусливый маленький пёсик вслух ничего сказать не осмелился и только тихо зашипел себе под нос по-китайски:

— Я тебя выебу, я тебя выебу, я тебя выебу, услышал?! Хмф. Только и знаешь, что издеваться над людьми.

Выражение лица у Фу Линцзюня стало странным.

Его красивые брови чуть сошлись, а потом он очень серьёзно сказал:

— Мы можем заняться этим. Но не сейчас.

Цзян Тан: ???

<http://bllate.org/book/17032/1653727>